

В ПОИСКАХ БАШМАКОВ

Огромные доходные дома, что, закрывая небо, нависали над переулком, были похожи на угрюмых призраков, но они хотя бы заслоняли от ветра. В узком проходе между домами высились горы мусора. Вонь стояла невыносимая. А от него что, не смердит? Он начал, совсем как крысы, зарываться в мусорную кучу. Крысиная стая мерзко запищала и бросилась врассыпную. Чёрт возьми! Он надеялся, что эти твари его не тронут и удастся хоть немного подремать. Куда там... Крысиные укусы адски болючие. Джейк на миг приостановился, чтобы перевести дух, но на холодном воздухе долго не постоишь. Он принялся грязными словами поносить своего папашу, вдруг от этого станет теплее? Проклятия огненными стрелами проносились в уме, но руки-ноги не обманешь, они по-прежнему ныли от холода.

Он знал, что во сне можно замёрзнуть на смерть. Алкаши так и помирают. Иногда ему хотелось, чтобы папашка тоже скапустился на морозце,

хотя он знал, что плохо желать смерти родному отцу. Но с какой стати Джейку беспокоиться, жив этот мерзавец или нет? Родитель только и делает, что колотит. Если сдохнет, по крайней мере перестанет меня колошматить и воровать мой заработок, чтобы спустить на бухло, а потом снова бить: мол, почему больше не заработал? Джейк распался себя ненавистью к старику в надежде, что если не согреется, то хотя бы разгорячится, как вдруг услышал совсем рядом лёгкие шаги — и застыл.

Судя по звуку, какая-то мелочь шла напрямиком к его укрому. «Ещё чего! Это моя куча. Я её уже занял, прогнал крыс, тут моё логово...» Он угрожающе зарычал.

— Кто здесь? — послышался испуганный детский голос, кажется, девчачий.

— Чего тебе надо? — он высунулся из кучи. Девчонка вскрикнула — и отскочила.

Глупая мелкая мышь.

— Ты кто? — спросила она дрожащим голосом.

— Это моя куча. Вали отсюда.

— Да не нужна мне твоя куча. Правда не нужна.

Она дрожала так, что казалось, всё её тело ходит ходуном.

— Я... Я только хочу в ней что-то поискать...

— Где? Здесь?

— Наверное... Я не помню...

В нём, неожиданно для него самого, проснулось любопытство.

— Что ты там потеряла?

— Мои... Мои башмаки, — пробормотала она.

— Как можно потерять свои башмаки?

— Я думала, я их вроде как спрячу...

— Что-что?

— Я знаю... — кивнула она.

Ему показалось, что девчонка вот-вот разревётся.

— Это была глупость. Мне и правда нужны новые, но мама сказала, что Анна весь день стоит на конвейере, поэтому башмаки ей нужнее. Вот я и подумала, что если потеряю свои... Это было ужасно, ужасно глупо...

Она и впрямь разрыдалась.

— Ладно, показывай, какая куча?

Он привстал, старые бутылки, консервные банки, обрывки бумаги осыпались с его плеч.

Девчонка поставила левую ногу на правую, чтобы хоть одной пяткой не касаться промёрзшей земли.

— От тебя жутко воняет, — сказала она.

— Заткнись. Тебе помогать или нет?

— Да, если можно, — попросила она. —

Извини, пожалуйста...

Они принялись в темноте разгребать кучу с двух сторон.

В конце концов Джейк нашёл один ботинок, девчонка отрыла другой. Она благодарно кивнула,

влезла в ботинки и наклонилась, чтобы завязать обрывки, которые остались от шнурков.

— Ты хиловато их потеряла.

— Нет... То есть да... Думаю, я догадывалась, что придётся потом искать.

Она негромко вздохнула.

— Всё равно... спасибо тебе. Девчонка была очень вежливая. Небось ходит в школу, даже если ботинки насквозь дырявые.

— Но ты не можешь спать в мусорной куче! — воскликнула она.

— Почему бы и нет?

— Потому, что ты замёрзнешь и умрёшь, вот почему.

Теперь, когда нашлись её ботинки, она была совсем не похожа на дрожащую мышь.

— Сколько раз спал, и ничего. Да и куда ещё мне идти?

— Ты мог бы... Ты можешь поспать у нас на кухне, — выпалила она и тут же закрыла рот рукой.

— Твои засекут. К тому же я воняю. Ты сама сказала.

— Мы все воняем, — она схватила его за руку. — Пойдём, пока я не передумала.

Они прошли чёрным ходом в один из домов

и поднялись на третий этаж.

— Тссс... — предупредила девчонка прежде, чем открыть дверь. — Тут все уже спят.

Через первую комнату, где стояли кровати, они прокрались в кухню. Печь уже погасла, но в комнате всё равно было теплее, чем в мусорной куче.

— Ложись прямо здесь, — предложила она. — Извини, у нас нет свободной кровати, и даже одеяла лишнего нет.

— Не замёрзну, — успокоил Джейк.

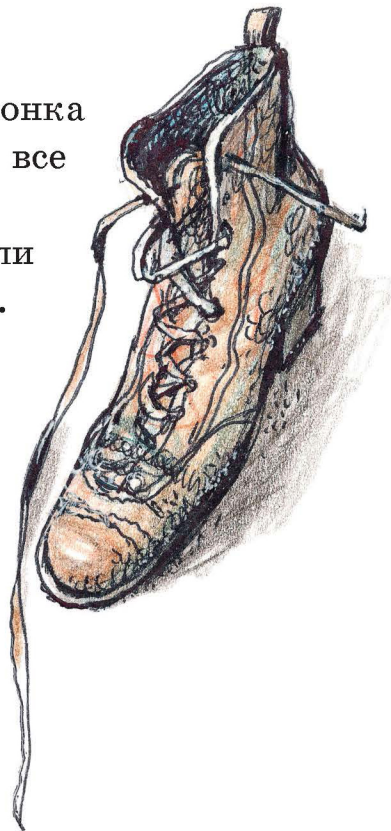
В тёмной комнате нельзя было различить её черты, он лишь заметил, что девчонка невысокая, щуплая, с прямыми волосами до плеч.

— Я уйду раньше, чем твой отец встанет, — пообещал Джейк.

— Он умер. Никто тебя отсюда не выгонит.

И всё же он проснулся с первыми звуками в задней комнате. Навзрыд плакал малыш, женский голос пытался его убаюкать. Джейк сразу узнал тот голодный плач, который не утешить словами.

Он тихо поднялся. На столе, в деревянной коробке, нашёл полбуханки хлеба, отломил кусок

побольше и сказал себе, что они бы не пожалели. Джейк пробрался через переднюю комнату, где кто-то храпел как слон, открыл дверь, сбежал по лестнице, а потом вниз, по холму, к фабрике, на работу. Здесь не замёрзнешь. Ему всё время приходится бегать. Неудивительно, что даже в такие морозные зимние дни к десяти утра с него пот градом льётся.

Несколько часов спустя он вспомнил, что так и не догадался спросить, как девчонку зовут, и не назвал ей своё имя.

«НЕДОПЛАТИЛ! ВСЕ ВЫХОДИМ!»

«Недоплатил!» Это кричал какой-то итальянец. Джейк стоял в длинной очереди за конвертом с недельной зарплатой и чувствовал, как его пробирает странная дрожь — то ли от страха, то ли от восторга. Всю неделю по фабрике ходили разговоры о забастовке. Итальянцы запустили петицию. Подписал её — значит обещаешь не выйти на работу, если в пятницу снова недоплатят. Ирландцы (они были в основном управляющими, инженерами и техниками) и местные подписать петицию отказались. Однако Джейк поставил свой «крестик» — главным образом из злости на отца, который грозился его убить, если он задумает «бузить с этими макаронниками». Старый алкаш пропил всё, что сын заработал, и последние две недели Джейку, чтобы не подохнуть, ничего не оставалось, как воровать еду и спать в мусорных кучах.

Итальянцы собирались бастовать, другие рабочие, казалось, сомневаются: стоит ли, как призывают, выходить на улицу, или всё-таки лучше не

высовываться? Некоторые вернулись на рабочие места, но потом передумали и присоединились к итальянцам. Один из управляющих, ирландец Пэдди Паркер, взгромоздился на верхнюю ступеньку эскалатора и пытался своим могучим телом перекрыть путь бунтовщикам. Билли Вуд, владелец половины фабрик в городе, невероятно гордился своим эскалатором, в рекордно короткое время поднимающим рабочих на верхние этажи фабрики. Вкупе с потогонной системой, принятой на фабриках Вуда, это чудо техники приносило немалые барыши хозяевам.

«Бастуем! Бастуем!» — кричал какой-то рабочий, перебегая от одной мотальной машины к другой. Кто-то щёлкнул выключателем, приводные ремни медленно закрипели и остановились.

10

«Бастуем! Бастуем!» Все кричали одновременно, поднялся жуткий шум. В общем рёве Джейк различил собственный голос. «Недоплатил! Все выходим!» От ударов с треском рассыпались деревянные опоры, рабочие полосовали ножами приводные ремни. Джейк схватил пожарное ведро и с размаху окатил тепловатой грязной водой белоснежные нити. Запахло мокрой шерстью. Он с силой пропихнул пустое ведро в мотальную машину — три шпули сломались. Власть ломать и крушить пьянила, словно дешёвое вино. Он раскурочил ещё три шпули, потом ещё две, и вдруг кто-то — это был Анджело Корти — схватил его за шиворот: «Пойдём, парень, все выходят!»

По пути к выходу, прежде чем расстаться с ведром, Джейк успел разбить ещё несколько пустых длинных шпуль. Тяжёлая мужская рука крепко держала его за ворот сорочки. Мальчик попытался её сбросить, но Анджело решительно провёл его через цех, мимо Пэдди Паркера, вниз по замершему эскалатору. Судя по всему, кто-то сокрушил или по крайней мере обездвижил красу и гордость мистера Вуда.

Железные ворота, ведущие из фабричного двора, были заперты — стояло позднее утро, всего лишь без четверти двенадцать, — но несколько крепких итальянцев нашли сторожа и убедительно, хоть и не очень любезно, объяснили, почему им надо открыть. «Недоплатил! Все выходим!»

Сеялся мелкий снег. Куртки у Джейка не было, а тонкие ситцевые штаны и рубашка от ветра не защищали. Выйдя за ворота, он намеревался свернуть на восток и рвануть к своей хибаре недалеко от реки. Проскользнуть через поющую толпу было совсем нетрудно. Как только прошли через «парадную» фабричную дверь, Анджело отпустил его воротник, но что-то заставило Джейка остаться.

«Недоплатил! Все выходим! Недоплатил! Все выходим!»

Словно загипнотизированный, он перешёл со всеми мост, и толпа понесла его от Вуда к другим фабрикам — к Эйру, Вашингтону, дальше, к Атлантической, Тихоокеанской компаниям, и везде к ним присоединялись мужчины, женщины, дети.